

Александр Антоненко: "Чтобы все сложилось, надо было много работать" | Alexander Antonenko: «It Takes a Lot of Work to Achieve Something»

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 14.11.2012.

Латвийский тенор Александр Антоненко в Женеве (© Nasha Gazeta.ch)

В идущем в эти дни на сцене Женевского оперного театра спектакле «Самсон и Далила» партию библейского героя исполняет латвийский тенор. Впечатленные его талантом, мы решили познакомиться с ним сами и познакомить читателей.

|

The role of the biblical character in the recent production of «Samson and Delilah» at Grand Théâtre de Genève is performed by a Latvian tenor. Impressed by his talent, we decided to meet him and introduce him to our readers.

Alexander Antonenko: «It Takes a Lot of Work to Achieve Something»

Высокий, широкоплечий, по комплекции ближе к Доминго, чем к Каррерасу. Любит играть в футбол и готовить. В июне этого года «Санкт-Петербургские ведомости» назвали его выступление в «Отелло» Верди с солистами, хором и оркестром Мариинского театра «феноменальным». Директор Фестиваля в Вербье отзывается о нем, как об одном из ярчайших теноров нашего времени. В репертуаре 36-летнего Александра Антоненко более двадцати ведущих партий тенорового репертуара – от Ленского и Германа до Хозе в «Кармен» и Каварадосси в «Тоске». Его ангажементы расписаны до 2017 года... Мы встретились с Александром в его примерной в Женевской опере.

Наша Газета.ch: Александр, в Женеве Вы выступаете, если не ошибаюсь, впервые, но вообще Швейцария в Вашем расписании уже фигурировала.

Александр Антоненко: Совершенно верно. Уточню, правда, что в Цюрихе я должен был петь, но приехал с ларингитом, и доктор категорически запретил даже разговаривать. Однако именно в этой ситуации я получил лучший комплимент моей жизни – представитель администрации театра сказал: пусть лучше будет у нас больной Антоненко, чем кто-то здоровый.

В Базеле же я заменял заболевшего певца Аксенова. Я тогда работал во Франкфурте, так просто взял свою машину, приехал, посмотрел и на следующий день спел «Пиковую». Кажется, спас премьеру. Было это в прошлом году.

Кто учил Вас профессии?

Мой главный и единственный педагог – Маргарита Александровна Груздева. Я начал заниматься с ней в Риге в 17 лет и считаю ее своей второй мамой. Она сразу определила меня в теноры, хотя многие прочили меня в бас-баритоны. У мен

я нет высшего музыкального образования – только музыкальная школа и пять лет музыкального колледжа. Я считаю, что мне этого достаточно, да и никого это не интересует. Мнение моего педагога важно для меня и сейчас, я продолжаю у нее консультироваться, она часто приезжает меня послушать. Кстати, приехала и в Женеву, где раньше никогда не была.

В одном из интервью Вы говорили, что брали несколько уроков у Виргилиуса Норейки, и он Вам в чем-то помог.

Это так и не так. Просто в какой-то момент Маргарита Александровна оказалась, из-за разных интриг, не в угоду дирекции Рижского оперного театра, и меня всячески пытались определить к другому педагогу. И это при том, что Груздева – педагог замечательный, представительница вокальной традиции, восходящей еще к Мазетти. Так что когда мы с ней приехали к Норейке, он меня послушал и сказал: «А что Вы от меня хотите? У Вас все правильно!» Но он помог именно тем, что подтвердил правильность выбранного пути – прямо как в «Верной дорогой идете, товарищи!» Я же был совсем молодой, мне было 25 лет. Мы с ним тогда поработали над Альфредом, которого в Риге мне петь не давали, и я спел его в Эстонии.

Не проблема, если мужчина-певец учится у педагога-женщины, и наоборот?

Есть определенные принципы преподавания вокала, они одинаковы для мужчин и женщин. Мы одинаково сложены, разница только в длине голосовых связок. Есть два основных понятия – легкие и диафрагма. Нужно учиться дышать по время пения, не зажиматься...

Вы пели и Ленского, и Германа, и Альфреда, и Отелло, и Хозе.... Раньше, в СССР по крайней мере, было четкое разграничение на лирических и драматических теноров, и совмещение этих партий в репертуаре одного

исполнителя было бы просто невозможно. Сейчас эти границы исчезли?

Нет, почему, разграничения есть. Но ведь на самом деле Альфред написан для центрального тенора, просто он очень тяжелый, трудный по тесситуре, поэтому его дают более легким тенорам. Но если мы возьмем арию из второго акта, она довольно низкая, ее надо «отovarить», за ней следует стретта (ускорение - Н.С.) совершенно в стиле Манрико в «Трубадуре». Во втором же акте на балу у Флоры маленькая стретта Альфреда, потом огромный, две октавы, ансамбль - у Альфреда тема идет снизу. Так что я бы не сказал, что Альфред написан для лирического тенора. При этом Герцогу (из «Риголетто» - Н.С.) там делать нечего. Тогда как Хозе (в «Кармен»), как и Рудольф (в «Богеме»), написан как будто для двух разных голосов, так различны требования к певца от акта к акту.

А Вы Рудольфа поете?

Уже не пою.

Почему?

Во-первых, Рудольфы сейчас есть, и зачем мне отнимать хлеб у других певцов? Во-вторых, когда уже поешь Отелло, так надо его и петь. А то вот я пел недавно Каварадосси в Ла Скала, а критика потом написала - мол, вышел Отелло и спел Каварадосси. В очередь со мной был Марчелло Альварез, чисто белькантовый певец, и разница между нами была слишком большая.

В прошлом веке в России была целая плеяда блестящих теноров, способных соперничать с итальянцами. Изменились ли технические требования к исполнителям сегодня?

Знаете, у Сергея Лемешева было одно легкое и голос небольшой. Говорили, что когда он выходил, играла половина оркестра, четыре скрипки. А когда вы сегодня выходите в Opéra Bastille и там 12 первых скрипок, 12 – вторых, 10 виолончелей, 8 контрабасов! Я говорю – куда, куда столько? А мне отвечают – у нас же 2700 мест, надо их как-то наполнить.

Если же говорить о лирических тенорах прошлого века, то нам трудно сейчас судить, как учила Ивана Семеновича (Козловского – Н.С.) его педагог – дама по фамилии, кстати, Антоненко, и как он пел. Рассказывают, что даже если вы стояли за дверьми зала Большого театра, а он пел на сцене, было ощущение, что он стоит рядом. Вот такой полетности был у него голос. Слушая дошедшие до нас записи Берендея или Ленского в его исполнении, я думаю, что тогда просто не было возможности его голос как-то «упаковать». Потому что даже сегодня не все голоса ложатся на запись. Пример – Аня Хартерос. Слушаешь записи – ничего особенного, а живьем познакомились, она открыла рот – потрясающе. Не зря же говорил Леонид Собинов сам о себе:

Ждали от Собинова пенья соловьиного,
Услыхали Собинова – ничего особенного.

Но есть и обратные примеры. Поэтому русские лирические тенора – это вообще особая история. Попробуйте, спойте Звездочета в «Золотом петушке» с ми бемолем. Или в «Царской невесте» – не фальцетом, как французские оперы поются, а полным голосом!

Вот потому никто не ставит и не поет, а если поют, то только наши. Но давайте перейдем к сегодняшнему дню. Как Вам женевская постановка «Самсона и Далилы», в которой Вы участвуете?

Мне трудно о ней говорить, так как я очень быстро в нее вошел, у меня было всего две недели репетиций, а пою я эту партию впервые. Мне кажется, все вокруг такие замечательные, так хорошо поют! Для меня, человека, не говорящего по-французски (хотя что-то я понимаю, особенно когда читаю), было трудно работать с франкоязычными исполнителями. Все время думаешь: а как это у меня? Что же касается постановки самой по себе, я бы назвал ее успокаивающей, она такая снотворная... Из Берлина она пришла полностью переделанная. Мне предстоит снова петь в ней в Берлине же в 2015 году. Честно говоря, я не знал, что в Берлине ее восприняли негативно. Для меня это – мой первый раз, каков этот блин – будем посмотреть. На премьере «бу» никто не кричал, правда, и браво не было.

Были ли какие-то технические сложности с этой партией?

Понимаете, вот сцена балета. Я лежу полчаса на сцене как кусок говядины, уже мухи летают! Для чего это? Непонятно, ведь я своей остановившейся историей отвлекаю от происходящего на сцене.

Как вообще Вы относитесь к транспозициям исторических/классических сюжетов современными постановщиками?

Если это работает, то почему бы и нет? В данном случае, я многое могу простить

режиссеру Патрику Кинмонту уже только за то, как он работал – спокойно, тонко, с прекрасным юмором. Если мне предложат работать с ним в будущем, я обязательно соглашусь.

Доводилось ли Вам работать с российскими дирижерами?

С Валерием Абиссаловичем Гергиевым я несколько раз работал, выезжая на гастроли с Мариинкой, в частности, с «Пиковой дамой» во Франкфурте и «Отелло» в Роттердаме. С Владимиром Ивановичем Федосеевым мы делали в Московской консерватории цикл его концертов «Легенды о любви». Я пел отрывки из "Отелло", с чтецами - это было замечательно! А в Большом театре я пел в составе Латвийской национальной оперы.

У Вас контракты подписаны уже до 2017 года. Какая из предстоящих работ кажется Вам наиболее интересной?

Да мне все они интересны: новые постановки «Отелло» Верди в Ла Скале и Метрополитен-опера, например. Постановка в Берлине – «Трубадур» с Даниэлем Баренбоймом. На Фестивале в Вербье следующим летом будем петь с Анной Нетребко первый акт «Отелло». Снова Отелло в Валенсии с Зубином Метой, «Аида» в Риме с Рикардо Мути, а также на знаменитом фестивале в Вероне, «Пиковая дама», «Паяцы» и «Сельская честь» в Ковент-Гардене. Вот только неполный список ...

Потрясающе, как хочется на всех этих спектаклях побывать!

Для того, чтобы все это сложилось, надо было очень много работать. У меня нет импресарио, только австрийский агент – Холландер, у меня уже много лет с ними эксклюзивный контракт. А все, что для других делают импресарио и менеджеры, я сделал себе сам.

Поступили ли Вам предложения от Женевской оперы по поводу дальнейшего сотрудничества?

Да, я дал им список партий, которые мне интересно было бы спеть, так что посмотрим.

Желаем Вам успехов, и будем внимательно за ними следить.

От редакции: Напоминаем читателям, что опера «Самсон и Далила» Сен-Санса идет на сцене Женевского Большого театра до 21 ноября. Билеты можно заказать [здесь](#).

[Женевская опера](#)
[Александр Антоненко](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/14451>